

Разговор за чашкой кофе

Александра Алиса Уэзенби

Как ни странно, но после вчерашней прогулки Алекс подуспокоилась. На всему, но сумела взять себя в руки и все обдумать, в том числе все возможные пути к отступлению, а также наметить план действий. Так все просто делать, когда это происходит только в твоей голове, так просто принимать решения, когда не думаешь о последствиях, так просто, когда не чувствуешь никакой привязанности. Слишком просто.

Решение пришло в голову внезапно, но Уэзенби еще потребовалось некоторое время, чтобы полностью утвердиться в собственных намерениях и как следует обдумать все. Она, хоть и одна, но у нее есть определенные обязательства, в том числе и перед Орловым, из-за которого она и решила уехать. Спортивный центр, все-таки, был и ее детищем тоже, их совместным и, наверное, единственным проектом, над которым они с таким усердием и такой любовью работали. Тяжело и сложно оставлять все вот так вот, но долгие прощания – это не стиль Уэзенби, иначе она просто не сможет сделать этот шаг. Пока что она берет просто отпуск, хоть и на неопределенный срок, но мысль о том, что ее решение сейчас может повлечь за собой столько бумажной волокиты, что проще будет смириться и остаться ее откровенно пугала. Она побудет некоторое время на Тибете, наверное, займется совершенствованием имеющихся навыков, возможно, даже возьмет пару учеников, если ей позволят, а там, наверное, и справится со своими чувствами.

Она уже заказала билет Лондон-Пекин-Лхаса, вылет был уже сегодня вечером. Она даже собрала свои вещи в центре, но Орлову так еще и не сообщила – у него не было сегодня занятий, поэтому он даже не заходил в центр. Все остальным она просто сказала об отпуске, но партнера по бизнесу надо, все же, предупредить лично. Именно поэтому она назначила ему встречу в кафе неподалеку, где она сейчас и сидела в ожидании мужчины. В руках она вертела чашку чая, который уже заметно подостыл, а рядом стояла тарелка с салатом, к которому она даже не притронулась. Мутное состояние, когда изнутри бьет дрожь и с ней ничего не получается сделать, потому что это волнение, от которого мутит и хочется убежать подальше. Но надо просто дождаться и просто сказать. Ничего в этом нет. Да. Наверное.

- Черт! – тихо, но яростно прошептала англичанка, зажмурившись, принялась массировать виски.

Александр Орлов

Выходной день ничем не отличался от остальных: пара часов перед телевизором, ещё часа три на поездки по отложенным делам. Пара звонков, и часа полтора за компьютером, хоть и садился за него только для того, чтобы написать письмо родителям. Аве прогресс, она научились пользоваться электронной почтой, и можно не писать им по старинке бумажные письма. В отличие от героя известного фильма, Орлов не мог сказать о себе, что его неудержимо рвало на Родину, он там бывал лишь для того, чтобы повидаться с друзьями и родственниками, обычно по

праздникам. Лондон не стал для него родным, но здесь было как-то спокойнее. Меньше тех, кому ты должен общение, больше возможностей просто затеряться в своих мыслях, бродя по улицам столицы Объединенного Королевства. Кэпитал оф Грейт Британ, как учили ещё в школе. Туман, мелкий морозящий дождь, никакого климата, одна погода. Плохая. Но и по соловьям-березкам Орлов не скучал, он спокойно прожигал свободное время, остававшееся от работы, и мог считать себя успешным человеком. То обстоятельство, что он при этом был холостяком, его только радовало – можно быть где угодно, возвращаться или не возвращаться домой в любое время и тешить себя мыслью о том, что есть возможность любых отношений. Впрочем, случайные связи таковыми назвать было сложно.

По телефону голос Уэзенби показался каким-то странным. Будто она решилась на что-то такое авантюрное, и сейчас хочет доложить. Орлов опаздывал на пару минут, поэтому, когда он оказался в кафе, его знакомая уже сидела за одним из столиков.

- Привет, - он подошел к Шуре, как он про себя называл партнершу, и сел напротив. – Что такое, день вчера удался? В клубе тебя не было, сейчас, кажется, голова болит?

Орлов чуть усмехнулся, затем заказал у подошедшего официанта черный кофе.

Александра Алиса Уэзенби

Орлов не заставил себя долго ждать, правда, если учитывать тот акт, что сидела она тут уже давно... Впрочем, она отдала официанту тарелку с нетронутым салатом и вновь принялась вертеть чашку. Так проще сосредоточиться, если не смотреть по сторонам. Только вот Орлов был, как и всегда, до боли пронизательным, потому не мог не прокомментировать ее состояние, только вот он ошибался, очень сильно ошибался.

- Ты как всегда – сама доброта, - как-то слишком уж спокойно ответила она, лишь на пару мгновений оторвав взгляд от чашки, после чего вновь принялась пристально изучать белую глянцевую поверхность онной.

Ну вот, и что теперь дальше? Она его позвала, он приехал, а теперь? Все как-то внезапно вылетело из головы и хотелось съязвить в ответ, но как-то все не так уже. Но сообщить о решении надо. А правильное ли оно, решение это? Нет, сомневаться нельзя, ведь она все решила. За шесть лет всего один поцелуй в глубоком алкогольном опьянении, но они ни разу об этом не говорили, возможно, он и не помнил, что она сама его поцеловала. Все это уже неважно, ведь если бы было, то уже давно что-то произошло бы. Наверное. И, что самое смешное, она действительно не знала как все обычно бывает, да и что толком бывает – все ее неудавшиеся романы были совершенно сумбурными и неэмоциональными, поэтому...

- Я уезжаю, - наконец-то изрекла она, даже подняв взгляд на Александра, после продолжительного молчания.

Александр Орлов

Какое-то странное молчание, ещё более странный взгляд. Орлов не любил таких ужимок и недомолвок, ему казалось, что при этом его заставляют о чем-то догадываться, потом делают выводы, исходя из его реакций. Но слова показались ещё более странными, причем тем, что от них веяло каким-то неприятным холодом.

- Ты все-таки решила взять отпуск и уехать куда-нибудь, где дождь идет реже? – спросил он, не оглядываясь на официанта, который принес кофе. – И куда, если не секрет?

Кофе был обжигающе горячим, но его аромат помогал проснуться. Прежде Орлов больше пил обычный черный чай с сахаром, но, оказавшись в Англии, почему-то приучился намного чаще пить кофе. Может, назло англичанам. Вот так вот ровно в пять часов вечера каждый день выпивать чашку кофе. Черного. Без сахара. Без молока, сливок, сиропов и прочей дряни. Ну и что, что он горький? В какой-то момент учишься даже отличать по вкусу хороший от плохого.

Почему об этом вспомнилось сейчас? Чтобы не думать, зачем и куда уезжает Шурочка. Потому что ерунда какая-то получается. Ну, партнер по клубу, ну интересная девица, и что? Почему, черт возьми, она обставляет эту новость такими театральными паузами, что Станиславский бы сдох от радости? Кофе, кстати, хороший был. Ароматный такой, с нотками этого, как его... Не суть. Хороший.

Александра Алиса Уэзенби

- Ну, что-то вроде того, - хмуро усмехнулась девушка.

Отчего-то Алекс почувствовала чуть большую свободу в груди, словно, знаете, вот был очень туго затянут корсет, а потом его чуть ослабили. Наверное, когда начинаешь говорить о том, чего так боялся рассказать, становится легче. Вот и ей сейчас, даже сделала пару глотков чая, поморщившись от того, что он был холодным. И что же так не везет-то?

- На Тибет, - какая-то грустная вышла улыбка, - Там с дождями всегда напряженка, даже когда сезон дождей. Заодно с маленькой племяшкой познакомлюсь, а то видела ее только на фотографиях, которые Руж присылала маме.

И она снова замолчала. Как-то сложно получалось сейчас все. Хотелось вытянуть из себя это, чтобы расставить все точки и уйти. Именно точки, потому что запятых, как она уже давно решила, в этих отношениях нет и быть просто не может. Останутся партнерами, но теперь не с кем ему будет спорить о количестве шведских стенок и тренажеров в новом зале. Забавно насколько все это теперь казалось глупым, а ведь тогда все было настолько важно... Но она была уверена, что если не сразу, то он ее поймет. А справиться со всем одному будет не так уж и трудно. Наверное.

- Я не знаю когда вернусь, - наконец-то выдавила она из себя. – Через неделю, месяц или пару лет, - она вновь попыталась улыбнуться, чтобы показать, что все в порядке, но улыбка все также выходила грустной – глаза выдавали ее грусть, - Мне надо что-то поменять в жизни, а начать, наверное, стоит с себя, чтобы все перестало казаться таким сложным и непостижимым. Но вот как сумею постичь Восточную мудрость, так вернусь и обязательно ею поделюсь. – Она посмотрела в

его глаза и почувствовала, как ее глаза предательски защипало. Только плакать при нем еще не хватало. – Прости, я на минутку, - Алекс быстро вышла из-за стола, направившись в дамскую комнату. Глубокий вдох и выдох. Все в порядке, все практически закончилось.

Александр Орлов

- На Тибет? – удивленно переспросил Орлов. – Побреешься налысо и выучишь кунг-фу?

Но быстро осекся, заметив, как тяжело Уэзенби говорить об отъезде. Удирает. На пару недель или пару лет. И вот тут стало как-то не по себе, потому что обычно она была где-то здесь рядом, регулярно попадалась на глаза, и от этого было... спокойно. Зачем на пару лет? Стоп, молчать. Не твое, Орлов, собачье дело. Тем временем Шурочка убежала, и это удивило ещё сильнее.

Орлов сделал глоток х_о_р_о_ш_е_г_о кофе, и постарался разобраться в своих мыслях. Он не хотел, чтобы она уезжала. Так вот глупо и по-детски. И как только об этом сказать? Он тут причем вообще? Рядом тусовался, вдруг подумалось? Бизнес без неё не пропадет, все налажено идеально, аж тошно, и она об этом знает. Сказать «я хочу, чтобы ты осталась тут и регулярно мелькала у меня перед глазами»? Ставим десять к одному, куда она пошлет. А для чего ещё ей оставаться? Потому что сумасшедшему русскому так хочется? И? Твою налево, эта задачка была посложнее многих, что сейчас приходилось решать. Что-то ей пообещать? А не debil ли ты, Орлов, считая, что ей есть дело до тебя? То, что она удрала в дамскую комнату, может быть связано с чем угодно. Пошлет, уедет, а тебе будет не просто тошно, а трижды тошно, что она не просто скрылась, но ещё и хвостом вильнула на прощанье. Лузер ты, Орлов, и живи с этим.

Что за мудрость такая, восточная? Как воспитать в себе буддистский пофигизм? У нас свой есть, доморощенный, без тибетов всяких. Что ж тогда так тошно? Бергамот, вот как эта лабуда называется. Откуда он может быть в кофе? Орлов отставил чашку немного в сторону, сцепил руки в замок и стал очень внимательно смотреть на ничем не примечательную крышку стола.

Александра Алиса Уэзенби

За всеми своими переживаниями, точнее говоря, паникой, да, это, кажется, называется паника, она не заметила, что он слишком уж странно отреагировал на ее известие об отъезде. На неопределенный срок. Алекс подняла взгляд на зеркало, в котором отражалась похожая на нее молодая женщина, только вот весь ее вид сейчас говорил о том, что она это не она. Уэзенби даже фыркнула, изобразив на лице очередное подобие улыбки – такое ощущение, что жизнь ее изрядно побила, если верить отражению, только вот она сама слишком хорошо знала, что это совсем не так. С каждым новым вздохом паника отступала, давая дышать без особых усилий. И ей было страшно даже подумать о том, насколько сильно ей бы хотелось сейчас услышать от него два простых слова, которые, наверное, перевели бы разговор в совершенно другое русло. И, наверное, это дало бы сейчас какую-то надежду и зацепку, а поставленные точки, в том числе и та, что сейчас выводилась в ходе этого разговора, все бы превратилось в запятое. Но надо смотреть правде в глаза – она ему нужна как деловой партнер, да и то, чтобы не одинолично принимать

какие-то важные решения, которые не так уж и часто теперь возникают.

- Какой-то ты не такой, - задумчиво произнесла девушка, вернувшись к Орлову и словно впервые за их встречу нормально разглядела его. Ей показалось, или взгляд стал каким-то беглым, словно его настигла легкая паника? Да нет, вряд ли, этот русский не паникует. – Вчера хорошо отметил сегодняшний выходной?

Уэзенби мысленно вlepила себе по лбу, осознав какую чушь только что спросила у него. Не правильнее просто взять и закончить эту пытку? Просто пожелать всего самого наилучшего, встать, оставить деньги и уйти. Но мысль о том, что она видит его в последний раз перед долгим расставанием пугала, потому Алекс всячески цеплялась за возможность продлить эти мгновения, чтобы как следует все запомнить, его запомнить.

- Как-то вот так вот, в общем, - пробормотала она, вновь опустив взгляд на свою чашку.

Александр Орлов

То ли так хотелось, то ли Шурочка нервничала. Орлов посмотрел на свой кофе, затем на подошедшую Уэзенби, которая силилась улыбаться так, будто сейчас заплачет в голос.

- Тебе так кажется? – он чуть пожал плечами. – По-моему, ничего не такого.

Зачем она это спросила, заставляя отрицать даже то, что можно было бы попытаться признать? С другой стороны, не скажешь же ей честно, что тебе неприятна новость об её отъезде. Что изменится-то? Просто ещё один повод загнаться на ровном месте, когда, казалось бы, ничто не предвещало. И даже непонятно, что ещё говорить. Не задавать же глупые вопросы о том, куда она едет и что будет там делать, будто это на самом деле интересно.

- Что-то ты как-то безрадостно готовишься к поездке. Думаешь, будешь скучать по Лондону? – спросил Орлов скорее для того, чтобы нарушить молчание.

Если так случится, что она внезапно передумает и останется, что будет дальше? Пригласить её на свидание? Что за бред, на кой оно нужно. Это скорее хватательный рефлекс такой, когда есть рядом – все нормально и почти без разницы, а как отнимают, начинаешь загоняться и думать, а почему тогда так противно расставаться. Они были даже не друзьями, скорее приятелями, партнерами. Да, неплохо друг друга понимавшими, и что с того. В целом, их ничто не связывало, и не было таких обязательств, ради которых Шура могла остаться в Англии. То есть сейчас просто нужно решительно отпустить её, выбросив из головы лишние мысли. Большая девочка, сама знает, что делает.

Александра Алиса Уэзенби

А вот она была почти уверена, в том, что ей не показалось. Или не так? Странно оно все как-то. С одной стороны хочется поскорее уйти, чтобы прекратить эту пытку, но с другой... у него такой притягательный взгляд, что кажется, что в нем можно утонуть. И сейчас она почувствовала как нотки зависти скопились в сердце. Не ревности, а

зависти к тем девушкам, которым посчастливилось побывать в объятиях этого русского офицера, к которому ее тянуло магнитом.

- Скорее по людям в Лондоне, - ответила Уэзенби, искренне улыбнувшись, кажется, впервые за сегодня. Такая теплая и светлая грусть, от которой вновь щиплет глаза, но сейчас она никуда не побежала, а просто закрыла глаза на пару секунд, сделав несколько глубоких вдохов. – По людям и по их улыбкам, которых мне будет очень не хватать.

Алекс сделала еще пару глотков холодного чая, вновь чуть поморщилась. Все-таки чай должен быть теплым, а не холодным. А еще хотелось разрушить эту тишину, поставив последнюю точку, но сейчас вся ее решимость куда-то испарилась. А надо всего лишь взять кошелек, оставить несколько купюр и уйти. Рука нервно дернулась в сторону, только совсем не в ту, где была сумка, а случайно задела руку Орлова. И замерла. Она вся замерла, почему-то решив, что сейчас случится что-то нехорошее, хотя, по сути, ничего страшного. Ну задела и задела.

- Прости, - нервно прошептала девушка, глядя ему в глаза.

Александр Орлов

Орлов накрыл руку Уэзенби своей ладонью, затем внимательно посмотрел в её глаза, чуть щурясь, будто пытался разглядеть в них что-то особенное. Блеск, или просто свое отражение? Сейчас этот жест показался ему правильным. Просто дружеская поддержка, как рукопожатие между партнерами, которые много работали вместе. Она же не враг какой, от которого нужно шарахаться. Уезжает, волнуется, хватит уже тут Гамлета в терзаниях из себя корчить, мир не рухнет после её отъезда.

- Если ты так решила, езжай и ищи эту восточную мудрость, - сказал он, чуть улыбнувшись. – Саш, не волнуйся, я сам с делами разберусь. Если надумаешь – пиши что ли. Ты на Тибет едешь куда-то конкретно, или так, куда получится?

Толстый намек на то, что он был бы рад получить её адрес. Зачем? Записать в книжку «чтоб было». И сразу станет спокойно, что Уэзенби не просто исчезла из его жизни, а просто оказалась чуть дальше. Стоп. И это она уже завтра не выйдет на работу, и сейчас они видятся в последний раз перед её отъездом? Хорошо, в крайний, не в последний.

Можно было из вежливости предложить проводить её на самолет, но почему-то становилось очень тоскливо от мысли, что он будет смотреть, как она, чуть растерянная, с большим чемоданом и маленькой сумочкой будет проходить на посадку, а потом за окном аэропорта будет виден взлетающий самолет. Ради этого душевного мазохизма в аэропорт ехать не стоило, лучше отпустить сейчас и уговорить себя, что ничего страшного не произошло. Если долго ждать у моря погоды, можно покрыться мхом, а погода так и не настанет, а сейчас уже поздно.

Александра Алиса Уэзенби

Наверное, именно такое состояние и называют моментом дзен. Алекс замерла на месте, забыл о том, что человеку необходимо дышать. Ей просто это не было нужно

— она просто наслаждалась этим странным теплом, что шло от руки Орлова к ее и распространялось по всему телу. Всего лишь прикосновение, но как хотелось видеть в нем намного больше, чем простую поддержку. Вдруг это все же нечто большее? В ее взгляде вновь зажглась надежда, таком маленький огонек, который согревает изнутри. Но нет. Все, кажется, напрасно.

- Да нет, в монастырь еду, - какая-то робкая теперь вышла улыбка, - от Лхасы километров тридцать до какой-то деревушки, а потом еще пешком сколько-то, как Руж рассказывала. Говорят, просто так его не найти, но если ты должен там оказаться, то найдешь его, или он тебя. Звучит мистически, да?

Она все-таки залезла в сумочку, но лишь для того, чтобы достать конверт, на котором значился обратный адрес. Хорошо, что кузина всегда писала как иероглифами, так и латиницей. Она аккуратно переписала все это на листок бумаги и протянула его Александру.

- Вот, сюда вроде бы можно писать письма. Электронку буду проверять по возможности, но с телефонами и интернетом там глухо, так что отлавливай отбивку, когда я вновь объявлюсь в сети, - англичанка едва заметно усмехнулась, - ну, если вдруг соскучишься и захочешь поболтать. Или в гости приезжай, - она постаралась скрыть улыбку, но как-то не вышло. Но мысль о том, что он может вдруг появиться там одновременно пугала и радовала. Да уж, в голове полнейший бедлам, но надо уже прощаться. Наверное.

Александр Орлов

Орлов взял листок с адресом, перечитал его, не запомнив, и убрал в бумажник на случай, если вдруг когда-нибудь захочется написать. Потому что глупо это, делать вид, что поддерживаешь отношения на огромном расстоянии.

- И ты пиши, если захочешь. Мой адрес у тебя есть, - он снова улыбнулся, всматриваясь в лицо Уэзенби.

Странные рассказы о монастыре заставили Орлова лишь скептически усмехнуться. Шурочка и монастырь, монастырь и Шурочка. Кто кого одолеет за первые пару суток.

- Ты что, и впрямь решила податься в буддистки? Са-аш, ты серьезно? — он удивленно поднял брови, пытаясь заметить следы лукавства в выражении лица Уэзенби. Тщетно.

Удивление немного перебивало холодную тоску расставания. Странно все это, Уэзенби никогда не отличалась какой-то особой религиозностью, а увлечения Китаем или буддизмом Орлов в ней и вовсе не замечал. Наверное, в жизни каждого человека должен наступить такой момент, когда хочется послать все к чертовой матери, обрубить мосты и отправиться куда Макар телят не гонял, лишь бы никто не трогал. Бежишь на самом деле от себя, потом понимаешь, что не сбежал, но не возвращаться же туда, где все равно тошно? Наверное, она права. Если сейчас ей это нужно, с этим нужно смириться. И тешить себя мыслью о том, что в любой момент можешь написать ей письмо. Только что в нем писать? Что погода все такая же? Орлов допил остывший кофе, и официант забрал пустую чашку.

Александра Алиса Уэзенби

- Ага, конечно, - рассмеялась Уэзенби, - еще побреюсь налысо, переоденусь в непонятную тряпичную штуковину и буду перебирать четки, сидя в позе лотоса.

И тут ее прорвало. В плане смеха, конечно, потому что уже в следующую секунду она буквально рухнула на руки, заливаясь смехом, представив себя такой, какой только что описала. Бред, конечно, потому что что-то, а свою шевелюру она в обиду точно не даст, ведь это же святое! А если серьезно, то смех этот был скорее нервным, но не рассказывать же Орлову о том, что сбегает она из-за него, голубчика, потому что должна научиться жить так, чтобы его присутствие или отсутствие не влияло ни на что.

Подошел официант, и лишь тогда девушка постаралась сделать как можно более спокойное лицо. Она также молча, как и Орлов, отдала ему свою чашку с холодным недопитым чаем, после чего вновь перевела взгляд на Александра, изучая его лицо, будто в первый раз видела. У него очень добрый взгляд, всегда был и останется. Хотелось, чтобы он навсегда запечатлелся в памяти, чтобы просто помнить, когда будет плохо и холодно. Он всегда согревал.

- Ну... мне, кажется, пора, - с нескрываемой грустью произнесла англичанка, буквально отрывая себя от стула, а ноги, предатели, отказывались слушаться. Она как-то неловко обняла Орлова, на мгновение представив, что это не прощание, а все наоборот. С ним было тепло и уютно, но надо идти, иначе не сможет, и без того слишком долго позволила себе его обнимать. – Я буду по тебе скучать, - прошептала Уэзенби, а в следующую секунду быстрой походкой выбегала из кафе, оставив на столе несколько купюр. Она запрыгнула в свободный черный кэб и назвала адрес, а сама забилась в угол, с грустью глядя в окно, где могла отчетливо различить фигуру Александра. По щекам заструились слезы, но она их уже не замечала, вновь отдавшись своим эмоциям.

Александр Орлов

Ну вот зачем она так? Орлов немного смутился, когда Уэзенби его обняла перед тем, как быстро умчалась из кафе. Он посмотрел ей вслед, затем положил на стол деньги и быстро вышел следом. Черный кэб уже уезжал, и он не успел разглядеть лицо Шуры, лишь почувствовал щемящую тоску от понимания, что сейчас произошло. Тибет, это очень-очень далеко от Лондона, на другом конце света. И она уже завтра окажется там, в то время как он по-прежнему явится на работу.

Начал моросить мелкий противный дождь, от которого столица Туманного Альбиона казалось ещё сырее промозглого Питера. Здесь стало особенно пусто и одиноко. При всем своем нежелании связываться с отношениями, в которых от тебя что-то ждут, Орлов боялся одиночества. В этом был один из главных парадоксов его вечного бегства от себя и других: ни от кого не зависеть, но казаться нужным.

Он пошел по улице в сторону дома, до которого было примерно три квартала. Не очень близко, под дождем ещё хуже, но сейчас хотелось именно так. Появилось странное чувство вины за то, что он даже не попытался остановить Уэзенби. Тибет, Лхаса, оттуда тридцать километров, и монастырь может найти лишь тот, кому разрешить судьба. Кажется, так. Как в сказках, когда Иван-Дурак отправляется Туда-

не-знаю-куда искать То-не-знаю-что. И сейчас хотелось либо водки, либо уже без неё делать глупости. Орлов смотрел по сторонам, пока не увидел вывеску какого-то туристического агентства. Решение пришло внезапно и само.
